

Обрывки чужих фраз ледяным шёпотом кружились в полузабытьи. Навязчивые, въедливые, они подтачивали волю, не позволяя укрыться от наваждения. Он брёл по беспросветному, глухому туннелю. Ни начала, ни конца — лишь бесконечная мгла. Шаги давались всё труднее, а из-под ног поднимался мертвенно-холодный, густой туман. Вокруг царило удушливое, могильное безмолвие.

— Безупречность?

— Предел эволюции и есть совершенство. Но чем оно совершеннее, тем смертоноснее...

— Быть может, в небытии и впрямь таится неведомая сила, что вершит судьбы всего сущего? Сила, от которой не уйти даже нам?

«Мне вдруг стало страшно...»

«А тебе бывает страшно, Морис?»

«Тебе бывает страшно, Морис?»

Бесплотный голос эхом разносился во тьме. Морис до боли сжал кулаки, так что побелели костяшки пальцев, но леденящий душу холод, поселившийся в груди, никуда не исчез. Тревога не отпускала, будто он застыл на самом краю бездонной пропасти.

— Морис?

Хань Цзин тихонько приоткрыл дверь в спальню. В комнате горел лишь ночник, отбрасывая тусклый янтарный свет на просторную кровать с балдахином. Морис лежал на ней, погружённый в тяжёлый, тревожный сон.

Присев на край постели, Хань Цзин привычным жестом коснулся его лица. Лоб Мориса был влажным от испарины, дыхание — прерывистым и частым.

— Морис?

— Морис, — нежно позвал Хань Цзин.

Тот медленно открыл глаза. Хань Цзин мягко улыбнулся:

— Что с тобой? Кошмар приснился?

— Да нет, не кошмар... — Морис попытался совладать с нахлынувшими чувствами и с трудом приподнялся, опираясь на подушки, пока Хань Цзин бережно промокал холодный пот у него со лба. — Просто тебя в этом сне не было, вот и стало не по себе. Как прошёл день? Разомни мне спину, пожалуйста. Всё ломит, мочи нет. Когда уже это кончится?..

— Уже скоро. Марко ведь говорил, что осталось недели две-три?

— Ещё полмесяца? — Морис со вздохом пожаловался. В последние дни поясницу тянуло так немилосердно, что ему хотелось поскорее разрешиться от бремени и вздохнуть свободно. Тяжесть позднего срока и глухая тревога перед родами делали его раздражительным.

Хань Цзин принялся аккуратно массировать ему спину, разминая затёкшие мышцы:

— Время пролетит быстро. Хочешь, я возьму отпуск пораньше? Закончу дела на этой неделе и буду сидеть с тобой круглые сутки. Так тебе станет полегче.

— Не нужно, работа важнее, — тихо отрезал Морис.

Придерживая рукой выпирающий, округлившийся живот, он с помощью Хань Цзина поднялся с постели.

— Живот растёт не по дням, а по часам, скоро собственных ног из-за него не увижу, — Морис ухватился за перила винтовой лестницы и поморщился, осторожно нащупывая стопой каждую ступеньку.

— Может, перенесём спальню на первый этаж, в гостевую? — Хань Цзин бережно поддерживал его под локоть, со страхом глядя на огромный живот. Хотя Марко уверял, что плод развивается нормально и не будет слишком крупным, Морис, в отличие от многих других в его положении, ничуть не поправился. На его худощавом теле высокий, выдающийся вперёд живот казался огромным.

— Внизу слишком шумно, да и не хочу я сталкиваться с уборщицей, — Морис покачал головой.

Преодолев наконец спуск, он с помощью Хань Цзина устроился за обеденным столом, стараясь сохранить остатки былой грации.

Хань Цзин снял военный китель, зажёл люстру и принялся разогревать ужин, заказанный в отеле «Гей». Вскоре на столе появились исходящие паром блюда.

Они сидели друг против друга, неторопливо беседуя о приятных пустяках. Посреди трапезы Хань Цзин со смесью нерешительности и осторожности заговорил о важном:

— Сегодня звонила моя мама. Хочет приехать, проведать нас. Переживает, что я плохо о тебе забочусь.

— После того как ты меня избаловал? Кто посмеет упрекнуть тебя в плохом уходе? — Морис слабо улыбнулся, хотя тень утренней тревоги всё ещё омрачала его лицо. Брошенная вскользь фраза Симо не давала ему покоя, пробравшись даже в сновидения.

подавив беспокойство, он поднял взгляд:

— И когда она планирует приехать?

— Скорее всего, в следующие выходные, — Хань Цзин запнулся. — Я знаю, как ты не любишь посторонних в доме, но это ведь моя мать... Пожалуйста, потерпи немного. Я поговорю с ней, она побудет у нас от силы дня два, не больше.

— Побудет? — Морис приподнял бровь, моментально уловив скрытый подтекст. — Она хотела остаться подольше?

Вспомнив недавний разговор с матерью, её радостный, не терпящий возражений тон, Хань Цзин невольно занервничал под пронзительным взглядом сапфировых глаз Мориса.

— Мама переживает из-за твоих родов, хочет приехать в Эвиду и помочь, — Хань Цзин постарался придать голосу как можно больше непринуждённости. — Она просто беспокоится о тебе. Не хочет, чтобы ты оставался один без должной заботы.

— Я не один, у меня есть ты.

— Но мне приходится подолгу пропадать на службе, в последнее время завалы, постоянные переработки. Срок уже на исходе, в больницу ложиться ты наотрез отказываешься, а дома — ни души. Я места себе не нахожу от тревоги, — Хань Цзин проявил редкое упрямство, пытаясь переубедить супруга.

Морис повысил голос:

— Ты прекрасно знаешь, что я не хочу показываться кому бы то ни было на глаза. Даже когда приходит уборщица, я не выхожу из кабинета, только бы она не увидела меня в таком нелепом виде!

— Но моя мама — не посторонняя, — Хань Цзин нахмурился, уязвлённый тем, что его мать приравнивали к чужакам.

— Мы виделись с ней всего раз в жизни. Да в таком состоянии мне даже перед собственным

отцом неловко показаться! Я против её приезда, и точка, — отрезал Морис.

«Не хватало ещё, чтобы при родах, помимо Марко, присутствовал кто-то чужой».

— Ну тише, не кипятись, я же просто советуюсь с тобой, — Хань Цзин подавил подступившее раздражение и поднялся из-за стола, решив пойти на попятную. — Я поговорю с мамой, когда она приедет. Увидит, что ты отлично себя чувствуешь, и успокоится. А там уже решим.

Чтобы загладить неловкость и поднять Морису настроение, Хань Цзин выкатил из гостиной огромную картонную коробку, набитую деталями для сборных деревянных лошадок и детской колыбели.

— Сегодня привезли. Погляди, как думаешь, нашей дочке понравится? — Хань Цзин опустился на корточки рядом с мужем и ласково погладил его круглый живот, словно шепчась с малышкой.

Гнев Мориса улетучился. Он взял протянутые буклеты с фотографиями мебели и принялся внимательно их рассматривать.

— Всё из экологически чистой древесины, твой любимый премиальный бренд, — Хань Цзин притащил ещё одну коробку поменьше. — А тут одёжка из чистейшего хлопка, на вырост — от новорождённой до полугода. Розовые, нежно-голубые, лавандовые... Выбирай любые, а те, что не понравятся, уберём в кладовую. Детская смесь Вибалон, о которой мы говорили, я взял сразу во всех вариантах рецептуры... Бутылочки разных марок, подгузники... Детские шампуни, гипоаллергенные кремы...

Хань Цзин сиял от восторга, выкладывая перед мужем свои трофеи. Оба получали солидное жалованье, поэтому покупка даже самых роскошных брендов не наносила ущерба их семейному бюджету.

Оба они до последнего времени были слишком поглощены делами. Морис, занятый организацией предстоящих родов, долго почти не думал о сопутствующих покупках. Когда же он наконец смог уйти на покой, то из-за выросшего живота уже не желал показываться на улице. Хань Цзин же, наоборот, погряз в бесконечной работе. Ему приходилось трудиться допоздна: усыпив Мориса в своих объятиях, он тихонько выбирался из постели и засиживался за отчётами до глубокой ночи.

По этой причине Хань Цзин заказывал всё необходимое через интернет. Опасаясь несоответствия картинок реальности и желая дать дочери только лучшее, он просто скупил целые линейки понравившихся брендов. И теперь перед Морисом громоздились огромные картонные коробки.

Морис покачал головой и усмехнулся:

— Ты решил открыть здесь магазин детских товаров?

— Уж не знаю насчёт остального, но деревянные лошадки нашей дочери точно понравятся, — Морис опёрся ладонью о поясницу и капризно указал подбородком на кучу разрозненных деталей, явно желая поддразнить супруга.

При мысли о скором визите матери Хань Цзин почувствовал укол вины. Ради брака с Морисом ему приходилось идти на множество ухищрений и скрывать некоторые бытовые нюансы. К примеру, госпожа Хань до сих пор не знала, что приходящая помощница работает по часам, полагая, что в доме постоянно живёт штатная прислуга.

Беспокоил его и вопрос с именем дочери. Со стороны отца Мориса, генерала Гранта Нормана, компромиссы в вопросе фамилии не допускались. Сам Морис не придавал этому особого значения, но ещё до разговора с отцом он мягко попросил Хань Цзина назвать девочку Кэтрин, в честь своей покойной матери. Тогда Хань Цзин согласился без долгих раздумий, лишь крепче обняв любимого. Но теперь, когда близился срок, осознание того, что новорождённая станет полноправной наследницей клана Норман — Кэтрин Хань Норман, унаследовав только чужую фамилию, — вызывало в его душе щемящую тоску. Будто он сам был лишь безмолвной пристройкой к великому семейству.

Впрочем, Хань Цзин считал, что Морис заслуживает лучшего, и старался делать всё, чтобы окружить его заботой, подарить тепло настоящего очага и сделать счастливым — разумеется, не переступая собственных границ. Разговор об имени он решил отложить на время после родов, надеясь найти более подходящий момент.

Как уладить этот деликатный спор, не обидев никого, Хань Цзин не представлял. Размышления об этом вызвали у него лишь головную боль. Он устроился в гостиной на диване, подогнув ноги, и открыл портативный терминал, пытаясь сосредоточиться на повестке предстоящего совещания. За окном уныло моросил дождь. Ближе к четырём часам дня, окончательно потеряв нить мысли из-за накатившей тревоги, он отложил работу и поднялся на второй этаж. Морис выглядел бледным и измученным; он дремал, укрывшись шёлковым одеялом.

Вглядываясь в благородные черты его лица и глядя на высоко вздымающийся под тонкой тканью живот, Хань Цзин почувствовал, как сердце наполняется нежностью. Все сомнения и тревоги улетучились, уступив место покою.

Он тихонько склонился и запечатлел невесомый поцелуй на его лбу.

Сон Мориса был чутким. Он слегка нахмурился и пробормотал сквозь дремоту:

— Который час?

— Ещё рано, поспи ещё, — Хань Цзин взял его ладонь, лежащую поверх одеяла, и встревожился — пальцы Мориса были непривычно холодными. Он заботливо укрыв его плечи.

Морис лишь сильнее сжался в комок, утыкаясь лицом в подушку.

— Плохо себя чувствуешь? — у Хань Цзина сжалось сердце.

— Нет... просто хочу полежать... — тихо отозвался Морис, не вынимая рук из-под одеяла, где он непрерывно придерживал низ живота.

На самом деле с полудня его мучила тупая, ноющая боль внизу живота, а поясницу ломило так, будто на неё навалили груды камней. Ему хотелось верить, что это обычное недомогание, которое скоро пройдёт, как бывало уже не раз.

Хань Цзин посидел рядом ещё немного, но, не заметив ничего подозрительного, спустился вниз. По заведённой привычке он закатал рукава и принялся за готовку: тщательно мыл овощи, резал мясо, ставил вариться бульон — слаженно и неторопливо.

Дождь за окном постепенно стихал, сменяясь унылой изморосью. В комнатах горел свет, мягко озаряя сгущающиеся в саду сумерки. Хань Цзин как раз заканчивал разделять свиные рёбрышки, когда тишину дома нарушил залиvistый звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» — недоумевал он. Наспех вытерев руки, Хань Цзин переобулся, прихватил из прихожей зонт и вышел во двор. Они с Морисом вели уединённый образ жизни, и посторонние, за исключением курьеров, у их дверей не появлялись.

Миновав раскидистые кусты китайской яблони в палисаднике, он отпер калитку и застыл в изумлении.

— Мама?! Как ты здесь оказалась? Ты же собиралась только на следующей неделе! — Хань Цзин поспешно раскрыл зонт над головой матери, защищая её от сырости, и перехватил у неё тяжёлый дорожный чемодан.

— Мы только что вернулись с отдыха в Фаруте. Был удобный рейс с пересадкой в Эвиду, вот я и решила заскочить к вам. Хотела устроить сюрприз, — госпожа Хань с одобрением оглядела ухоженный двор. Дом выглядел превосходно, даже лучше, чем она себе представляла.

— Нужно было предупредить, я бы встретил тебя в аэропорту.

— Я ещё не настолько дряхлая, чтобы заблудиться в трёх соснах. Место чудесное. Но почему ты сам открываешь дверь? Где ваша прислуга? — госпожа Хань переступила порог и, заметив идеальную, но безжизненную тишину в гостиной, недовольно нахмурилась.

Сердце Хань Цзина пропустило удар. Стараясь не подать виду, он радушно улыбнулся и налил матери стакан тёплой воды.

— У Пайна возникли срочные дела, я отпустил его на пару дней повидаться с семьёй.

— Как это «отпустил»? И теперь ты сам со всем справляешься?!

— Да ладно тебе, сейчас ведь выходные. К тому же я нанимаю приходящую уборщицу.

— Ты и так на службе изматываешься, в выходные отдыхать нужно, а не у плиты стоять, — заметив закатанную домашнюю одежду сына и повязанный на поясе фартук, госпожа Хань нахмурилась ещё сильнее. Мориса нигде не было видно. — А где сам Морис? Его нет дома?

— Он приболел, только-только заснул...

— Уж не сочиняешь ли ты? — госпожа Хань пристально вглядывалась в лицо сына, которого знала наизусть. Ей показалось, что тот отводит глаза.

— Мама, ну что за глупости! — с досадой воскликнул Хань Цзин. — Морису скоро рожать. Кому, как не тебе, вырастившей двоих детей, понимать, каково ему сейчас?

— Да я и так проявляю ангельское терпение! — вспылила госпожа Хань. — С самой вашей свадьбы мы ни разу не собирали родственников. Разве это семья? Может, его родня брезгует нами? Мы с твоим отцом сколько раз просили устроить встречу со сватами, а ты всё увиливаешь. Как тут не заподозрить неладное? Да и со свадебного путешествия вы не прислали ни единой фотографии! Ни нам с отцом, ни сестре твоей показать нечего!

Её упрёки звучали негромко, но каждое слово ранило Хань Цзина в самое сердце. Ему приходилось молча сносить обиду.

— Мама, прости нас, глупых. Морис действительно очень тяжело переносит последние месяцы, ему не до поездок. Он человек гордый, во время медового месяца стеснялся своего положения, вот мы ничего и не снимали, — Хань Цзин попытался сгладить углы мягкой улыбкой. — Я же объяснял: у отца Мориса серьёзные проблемы со зрением, он до сих пор лежит в санатории Берлин. Вот поправится, и мы обязательно соберёмся всем кругом, устроим пышное торжество. Ну же, мам, не сердись, — он присел рядом с ней на диван и преданно заглянул в глаза, совсем как в детстве. Трудности семейной жизни заметно умилили его юношеский пыл, заставив повзрослеть.

— Ладно тебе... расхныкался. Сама знаю, что сгоряча наговорила лишнего, — госпожа Хань потрепала сына по плечу и поднялась на ноги. — Где у тебя кухня? Соскучился небось по домашней еде?

— Мама, не надо, я сам всё сделаю. Ты только с самолёта, отдохни с дороги, — Хань Цзин попытался перехватить фартук. С тех пор как дела семьи пошли в гору, мать почти забросила готовку.

— Всю дорогу в кресле просидела, не переломилась. А ты вон как осунулся со своими вечными переработками. Иди в гостиную, не мешайся, — госпожа Хань ласково оттолкнула его, зажгла плиту и щедро плеснула на сковороду оливкового масла.

Они суетились у плиты вдвоём. Госпожа Хань, помешивая варево, негромко вздохнула:

— Столько лет к плите не подходила. Понравится ли Морису моя стряпня?

— Конечно понравится, у тебя золотые руки, — тут же отозвался Хань Цзин.

Мать мягко рассмеялась, хотя в глубине души прекрасно понимала: сын что-то недоговаривает.

— Погляжу я на тебя... Переменился ты, возмужал. Неужто скорое отцовство так на тебя повлияло? Исчезла бывшая ветреность.

Хань Цзин тепло улыбнулся:

— А ты скоро станешь бабушкой. Рада?

— Ещё бы не рада! — она принялась мелко крошить зелёный лук, но у самой кастрюли замерла. — Постой, а Морису-то лук можно?

— Он европеец, к зелени относится спокойно, но вот глутамат и сухие приправы в бульоне не жалуется.

— Надо же, какой ты внимательный стал, — госпожа Хань ласково посмотрела на сына.

Хань Цзин почувствовал, как недавнее напряжение наконец начинает отступать.

— Ему сейчас нужно питаться за двоих, чтобы малышка росла крепкой, — госпожа Хань высыпала половину нарезанного лука в кастрюлю. — Ты в детстве обожал наваристый костный бульон с луком. Думаю, внучка пойдёт в тебя — как-никак, первенец рода Хань. Мы с твоим отцом уже несколько месяцев голову ломаем над именем. Дело-то нешуточное! Я специально ходила в храм, советовалась с настоятелем, а отец целый месяц из библиотеки не вылезал, все старинные книги перерыл, чтобы подобрать красивое, благозвучное имя с хорошим значением. В общем, отобрали мы несколько вариантов. Выберите с Морисом то, что по душе. Все имена сулят счастье и процветание. Хань Цзин, ты меня вообще слушаешь? — госпожа Хань опустила половник, заметив, что сын уставился в одну точку.

Тот вымученно улыбнулся:

— Да, мам. Конечно слушаю.

<http://bllate.org/book/19677/2006481>